

Давид Павельев

СТЕП

от человека до робота один шаг

Давид Павельев

**СТЕП. От человека
до робота один шаг**

«Издательские решения»

Павельев Д.

СТЕП. От человека до робота один шаг / Д. Павельев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-744195-1

Роман-антиутопия «Степ» открывает трилогию о нашем «светлом будущем». На дворе начало XXII века. Гениальный изобретатель, наконец, претворяет в жизнь давнишнюю мечту человечества — создаёт человекоподобного робота, способного удовлетворить любой каприз владельца. И всё бы ничего, вот только робот решает стать настоящим человеком, а заодно становится костью в горле финансового воротилы. Так и начинаются захватывающие приключения робота Степа и его друзей.

ISBN 978-5-44-744195-1

© Павельев Д.
© Издательские решения

Содержание

I. На пороге открытия	6
II. Разгильдяй	12
III. В ритме мегаполиса	18
IV. Невероятная презентация	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

СТЕП

От человека до робота один шаг

Давид Павельев

Человечество вступает в сверхиндустриальный век. Передовые технологии создадут новые виды изделий и товаров, которые предоставят гражданам недостижимые прежде возможности. Этот процесс будет сопровождаться утратой традиционной прежде привязанности к стране, общине, семье. Новые предметы, которые я называю кочевыми, так как все они – небольшого размера, изменят в будущем взаимоотношения во всем спектре современной жизни. И прежде всего они изменят отношение человека к самому себе.

*Жак Аттали
«На пороге нового тысячелетия»*

Коллаж на обложке Д. Павельев

© Давид Павельев, 2019

ISBN 978-5-4474-4195-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I. На пороге открытия

Шесть часов тридцать минут. Я проснулся.

А лучше сказать, я открыл глаза и моментально переключил свой организм из режима энергосбережения – то есть сна – в режим активности.

И нет, я не робот. Я всего лишь человек. Правда, зовут меня Касио – да, да, как калькулятор – и фамилия моя Кей, будто бы и в самом деле у меня есть кнопки¹, которые меня включают и выключают.

Тогда почему я так легко просыпаюсь, спросите вы. Я сам удивляюсь. Вообще-то я большой разгильдяй, и не делаю то, что делают все нормальные люди, чтобы правильно просыпаться. В наше время люди не могут позволить себе просыпаться с трудом, ворчать на будильники, разрешать себе «ещё минуточку» и растягивать её на целый час. Люди поняли, что всё это может послужить причиной их низкой работоспособности, увольнения и прочих неприятностей. А если тебя уволят, лучше сразу прыгай с небоскрёба: нечем будет выплачивать кредиты и ипотеку.

Для того, чтобы избежать всех этих неприятностей, добрые дяденьки-изобретатели придумали специальный гаджет. «Генератор сновидений», называется. Внешне он похож на обычный музыкальный проигрыватель – плоская коробочка с двумя проводками. Только вместо наушников датчики, которые нужно крепить к вискам. Как только вы подключитесь к генератору, моментально уснёте без всякой бессонницы. И будете смотреть сны, например, о том, как вы едете по серпантину в красной спортивной машине (в автосалоне как раз выгодные условия по кредиту, успеете до конца недели). Потом въезжаете на пляж, и вас встречают загорелые юноши и девушки. Они впечатлены вашим эффектным появлением и тут же предлагают вам коктейль марки... обязательно запомните какой марки. И вы будете смеяться и веселиться, пока не проснётесь в строго установленное время. В прошлом остались ночные кошмары, от которых вы вскакивали в холодном поту. И хоть вы поспали всего пару часов, а просыпаетесь бодрые и полные сил превращать свои сновидения в реальность.

Но я почему-то обхожусь без этого. Нет, не то, чтобы я люблю делать всё наоборот. Просто мне и так неплохо спится, потому что мне нечего делать по ночам. Нормальные люди приезжают под ночь домой с работы, потом им нужно снять стресс, то есть провести некоторое время в интернете – посмотреть на милых котят, поделиться фото своей левой ноги, на которую сегодня три раза наступили, или посмеяться над злоключениями анонимных неудачников. Потом кто-то играет в видеоигры, кто-то смотрит сериалы, а под утро их ждёт генератор сновидений.

Моя жизнь сложилась таким образом, что от работы до дома не несколько часов, как у нормальных людей, а меньше минуты – я работаю секретарём и живу при лаборатории моего шефа. На счёт интернета врать не стану, истории анонимов почитываю, оставляю комментарии, порой весьма едкие, а то и сам балуюсь сочинительством, но не регулярно, а время от времени, если уж совсем скучно. Если в это время можно было бы что-нибудь делать, я бы делал. Но я не могу придумать, чем мне таким уж себя занять. Я привык, что за меня это придумывает мой шеф. Когда же шеф по своему обыкновению забивается в свою нору, то, разумеется, придумывать за меня некому. Вот я и сплю.

Шеф сидит в своей норе, где с вечера и до семи часов утра изобретает что-то неведомое, но, по его словам, великое. В семь он оттуда вылезает, читает мне разные нотации, излагает, какие новые занятия он для меня придумал, и тогда я приступаю к исполнению инструкций. Чаще всего от меня требуется ехать на большой рынок в Мегаполис, закупать там всякое

¹ фамилия Кей созвучна с англ. key – кнопка.

железо, провода и прочую нано-мелочь. Сам Шеф вот уже двадцать пять лет не высовывал носу из лаборатории. Быть связью Шефа с большим внешним миром – вот она, собственно, моя функция как его секретаря.

За окном были горы, горы и горы, простиравшиеся вдаль до самого горизонта. А за горизонтом был Мегаполис. Может, если приглядеться, можно было бы увидеть какой-нибудь из его небоскрёбов, многие из них были выше чем гора, на верхушке которой торчит наша лаборатория, будто бы железное гнездо гигантского кондора. Над горами медленно поднималось красное солнце, и заснеженные вершины заливались нежно-розовым цветом. Можно было бы всем этим полюбоваться, но я поспешил в душ. Нужно было успеть к явлению Шефа.

Я надел на лицо маску и зашёл в душевую кабинку. Её дверца герметично закрылась, после чего кабинку тотчас же заполнила вода. Через минуту она вытекла, а в кабинку ворвался вихрь тёплого воздуха, от которого я моментально высох. Этим водные процедуры и закончились. На всё про всё полторы минуты.

Одевшись, я вышел из своей комнаты, и лифт опустил меня на первый этаж. Здесь помещалась большая комната, которую почему-то называли столовая. Здесь за огромным белым столом сидела Клементина Норт – ассистентка шефа. Перед ней лежал открытый тубик с пищевой пастой. Клементина неотрывно смотрела прямо перед собой, в какую-то точку поверх тубика. Завтракала, значит.

– Доброе утро, – сказал я и сел напротив неё.

– Доброе утро, Касио.

Клементина подняла голову, посмотрела куда-то сквозь меня, после чего её голова вернулась в исходное положение. Потом она взяла тубик, выдавила немного пасты в рот и положила его на место.

Не подумайте, что это какая-то странность поведения. Совсем наоборот. Теперь у нас все так едят. Готовить еду – это очень долго. А ведь еду ещё надо разогревать, выкладывать на тарелку, потом ещё и мыть эти самые тарелки. И, конечно же, нужно эту еду есть – а это как минимум минут десять. Непозволительная роскошь! Вот для того, чтобы время не терять, и придумали есть пасту из тубиков. Паста – это все полезные витамины и микроэлементы в одном тубике. А главное – посмотрел сны, почистился в душе, выскочил из дома, сел в транспорт – и тогда ешь себе на здоровье. Точно не опоздаешь.

– А вы будете есть ваши ужасные яблоки? – спросила Клементина, опять глядя так, будто бы я стеклянный.

– Да, если вы не возражаете.

– Не возражаю. Но если вы будете есть их потом, когда я уйду.

– Как скажете.

И так каждый день. Я мог бы сказать ей ещё пять лет назад, как только мы оба впервые тут появились, что я буду есть свои ужасные яблоки ежедневно на завтрак, обед и ужин. Но не сказал, побоялся её обидеть. Вообще-то надо было, потому нужно сразу обозначать условия: типа «по стечению обстоятельств мы с вами, барышня, оказались в стенах одного заведения, так что как хотите, а мы должны с вами ужиться». Но я всё никак не привыкну к этим нашим порядкам. Наверно, у меня не хватает на это решимости. Вот каждое утро она и уточняет: буду я есть яблоки, или нет. Может быть, она думает, что в один прекрасный день мне это надоест, я вернусь на праведный путь и буду есть пасту, как она и все нормальные люди. Наверно, её раздражало, что я ем яблоки. Когда ешь их, то громко хрустишь, а то и чавкаешь, и даже если очень постараться, то не получается не хрустеть. Она же ест беззвучно. Это соответствует приличиям, ведь приличия – это как раз то, что делает большинство. Зато я, выходит, очень невоспитанный. При отсутствии каких-либо достоинств этот недостаток весьма ощутим. Значит, я вообще её раздражаю.

Вернее, это сильно сказано. Мне кажется, Клементину ничто не раздражает. Потому и я не претендую на особое к себе отношение. Клементина всегда вежливая, всегда спокойная. Я не видел, чтобы она когда-нибудь нервничала, волновалась и вообще проявляла эмоции. Вместе с этим я никогда не видел, чтобы она улыбалась.

Конечно, здесь ей просто не надо было улыбаться. Это там, в Мегаполисе, умение всегда улыбаться, даже когда тебе грустно или мерзко – жизненно важный навык. Но наш Шеф отличается от всех остальных шефов тем, что ему равным счётом без разницы, улыбаетесь вы ему, или нет. А я был слишком мелкая сошка, чтобы мне улыбаться. Шеф держал Клементину на работе не за красивые глаза – хоть глаза у неё, конечно, красивые, но холодные, серые, с каким-то металлическим отливом – а за некие личные качества. Может быть, Шеф держал Клементину как раз за то, что она никогда не улыбается.

Так вот, бесшумно разделившись с тубиком с первым блюдом, Клементина нажала кнопку на сенсорной панели крышки стола – да, у нас и такое есть – после чего пустой тубик исчез, а вместо него появился другой тубик. На нём было написано «Кофе».

Я сидел напротив и просто ждал, пока зайвится Шеф. Я смотрел на часы, которые были прямо передо мной, на экране стола. Современный человек никогда ведь не может забыть про время. До его прихода оставалось ещё пять минут. Чертовски мало, но когда сидишь вот так вот, боясь ненароком потревожить завтракающую девушку, которая, правда, никогда не тревожится, пять минут – это всё-таки достаточно много. И тут я впервые почувствовал, что сегодня какой-то особенный день. В смысле, вообще-то этот день начинался абсолютно точно так же, как и все тысяча восемьсот двадцать шесть дней, что я проработал здесь секретарём – а это ровно пять лет. Не знаю, почему я так решил. Может быть, я заметил, что Клементина как-то особенно невозмутима и бесстрашна – это могло служить верным признаком того, что она готовится к чему-то важному и волнительному, и потому пытается маскировать напряжённость. А может быть, я просто выдал желаемое за действительное, желая развлечь себя каким-нибудь предчувствием в эти пять минут.

И вот когда мне показалось, что что-нибудь произойдёт, я решил поболтать с Клементиной. Раньше я несколько раз пробовал это сделать, но ничего не получалось. Как-то мы не находили общего языка. Теперь я решил попробовать ещё раз. Попытка не пытка.

– Клементина, не считите за бестактность, как продвигаются ваши исследования?

Она вздрогнула, как от внезапного взрыва хлопушки, и посмотрела в мою сторону своими серыми металлическими глазами. Хоть она никогда не улыбалась, лицо её всё-таки было довольно красивым: немного бледным, с прямым носом, заострённым подбородком. Волосы были тёмно-русые, прямые, и едва доставали до плеч.

– Не волнуйтесь, Касио. Доктор расскажет вам сразу же, как только будут результаты.

В её тоне не было превосходства. Просто констатация факта. В самом деле, куда я не денусь. Когда надо, узнаю.

– Но мне, может быть, хочется именно от вас услышать.

– Почему? – Никакого удивления.

– Вы правы. Шеф мне скажет, когда от меня потребуется выполнить свою часть работы.

А вы, может, расскажете ещё что-нибудь, что не расскажет Шеф.

Она всё ещё не понимала.

– Я не то, чтобы проявляю любопытство. Вы же знаете, я в чужие дела нос не сую, хоть и ем яблоки вместо пасты... Но мне интересно, как вам там? Трудно? Тяжело?

– Вам интересно?

– Ну да. Извините, если что. Если вы считаете, что это неприлично...

– Нет. Я так не считаю. Просто... мне казалось, что вам ничего не интересно, кроме своих дел.

– Мне не то, чтобы интересно... Ваши дела – это ваши дела, я не хочу в них вмешиваться...

– Ну почему же. Если бы было во что вмешиваться, то да, я согласна. Вы спросили: трудно ли мне? Может быть, и трудно. Но я не замечаю этого, потому что перед нами стоит великая цель, и мы не можем думать о себе.

– Цель?

– Да. Так говорит Доктор. – Её металлические глаза загорелись, так же, как у самого Шефа. – Ради нашей цели мы должны забыть про все свои чувства, эмоции, ощущения. Про радость, про грусть, про искренность. Я и забыла про них.

– Да о них весь мир забыл, – заметил я.

– По другим причинам.

Тут я ненароком посмотрел на часы, и увидел, что наступило то самое время – семь часов. Я бы ещё поболтал с Клементиной, но бесполезно было надеяться на то, что Шеф опоздает. У него вместо сердца такие вот часы.

Дверь лифта медленно распахнулась, и я увидел фигуру Шефа – эту фантастическую фигуру, к которой вот уже пять лет никак не могу привыкнуть и всякий раз поражаюсь, будто бы впервые вижу пожилого мужчину огромного роста, худого, не сказать тощего, как ствол высохшего дерева, ветки которого – это костлявые руки с длинными узловатыми пальцами. Голова с большой шишковатой лысиной в центре, окружённой короткими жёсткими седыми с серебристым отливом волосами. У этой головы были две выдающиеся части: нос в виде клюва и подбородок в форме лопаты, а где-то в пропасти между ними скрывались плотно сжатые губы. Глаза же были глубоко посаженные и тёмные, как угольки. Смотрел он на вас не моргая, не отрывая взгляда, будто бы впился в вас и не отпускал. Но это так только казалось, потому что смотрел он всегда только прямо перед собой, не поворачивая головы, и если вы оказались прямо перед ним, то вам будет казаться, что он очень пристально на вас смотрит. На самом же деле вы ему совершенно безразличны. Одет он был в сплошь усеянный кофейными пятнами белый халат.

Дедал Райз – а именно так звали Шефа – оторвал от пола одну ногу, резко выбросил её из лифта, и вслед за ней из лифта выбросились все остальные части его тела, кроме другой ноги. Она догнала Шефа чуть позже. Затем Шеф снова выбросил ногу вперёд, и так заковылял в нашу сторону. Движения Шефа, как вы уже поняли, стоит описывать отдельно и подробно. Ходил он медленно, ноги у него, казалось, не гнулись. При этом он помогал себе руками, взмахивая ими, как крыльями. Где-то на полдороги они резко останавливались, а затем снова падали в исходное положение, в котором повисали, как плети, пока он снова не заставит их взметнуться. Все его движения носили судорожный характер. И лишь голова всегда была неподвижна, и мимика была застывшая, нахмуренная, с наморщенным лбом.

Потом я узнал, в чём была причина. Оказалось, что однажды, когда Райз только начал свою неведомую, но великую работу, и жил в этой лаборатории в полном одиночестве, он гулял по горам и случайно свалился в ущелье. Выжил он каким-то чудом, но всё-таки нижняя часть его тела оказалась парализованной. Шеф вернул себе движение, каким-то образом вживив в своё тело провода, которые заменили повреждённую часть его нервной системы. Теперь он был наполовину робот. И порой мне казалось, что он был робот больше, чем наполовину.

Добравшись до середины столовой, он остановился.

– Доброе утро, коллеги, – произнёс он, чётко артикулируя, проговаривая каждую букву и делая акцент на каждом слого. Такая у него была манера говорить. При этом голова его немного тряслась.

– Доброе утро, – ответил я.

– Доброе утро, доктор! – ответила Клементина. Теперь я знал, что она не испытывает никаких эмоций. Но судя по тому, что её холодные глаза чуть-чуть заблестели при появлении Райза, это было что-то вроде восхищения.

Но ему было безразлично, как вы к нему относитесь. Он сцепил свои руки за спиной и широко расставил ноги – значит, будет толкать речь. Всё время он немного дёргался и заваливался назад, будто бы голова была тяжелее всего остального тела, но одно судорожное движение плечами возвращало его обратно.

– Уважаемые коллеги, сегодня не совсем обычный день. Сегодня я могу с уверенностью утверждать, что наша миссия – наша великая Миссия! – как никогда близка к завершению. Последние эксперименты показали устойчивость результата, а это значит, что мы достигли успеха. Теперь мы можем обнародовать его. Теперь вся планета узнает, что я сделал это! После двадцати пяти лет затворничества, двадцати пяти лет ежедневных трудов, напряжённых поисков, удачных и неудачных попыток. Да, я сделал это! Сделал!

Он едва не опрокинулся на спину, так что ему потребовалось взмахнуть рукой, чтобы вернуть себе вертикальное положение. Я подумал, может ему помочь? Но я никогда не пытался этого сделать. К тому же лучше уж не мешать Шефу наслаждаться этим долгожданным моментом.

Райз опустился на скамью во главе стола и подпер свою голову кулаками. Сейчас в нём как-будто бы даже проснулось что-то мальчишеское, давно похороненное в глубине проводов и микросхем, с которыми он каждодневно работал и которые были частью его собственной сущности. Точно – юный именинник, которому вот-вот принесут праздничный торт – вот на кого он был похож. Сверкнув глазами и подкатив их, он сказал:

– В такие моменты начинаешь по новому ощущать сам себя. Зная, что твоя работа так важна для людей. Зная, что ты меняешь их жизнь к лучшему, и от твоего вдохновения, твоего усердия, от твоих прозрений зависит, какой будет их реальность, их эмоции, мысли, желания...

Вообще-то шеф был немногословен. Обычно он выражался языком приказаний и распоряжений, сухим и ясным. И уж тем более он никогда не пускался в подобную лирику. Но сегодня ведь особенный день, верно?

– Наша профессия чрезвычайно востребованная, а значит, и прибыльная. Не так ли?

В его тоне звучали какие-то доверительные и даже как-будто игровые нотки.

– Я об этом как-то не думал, – ответил я.

– Я тоже, – подала голос Клементина, стараясь не отставать от меня.

– Это правильно. А всё-таки, вы знаете, почему люди так любят технику, наверно, даже больше, чем друг друга?

– Нет, – поспешила опередить меня Клементина.

– В общих чертах. Просветите нас.

– В этом нет ничего удивительного, ведь компьютеры или мобильные гаджеты делают для тебя столько, сколько родная мать не делает. Мало того, что они нас развлекают, как никто другой, так ещё и с полезным гаджетом ты никогда не пропадёшь. Он спасёт тебя в критической ситуации, подскажет тебе ответ в трудном положении. Он всегда рядом, всегда под рукой, готовый верно служить. Кто заботится о тебе? Кто в любой ситуации всегда с тобой и всегда на твоей стороне? С кем никогда не бывает скучно? С кем не возникнет никаких проблем? Кто идеал? Кто твоя последняя опора в этом отнюдь не идеальном мире? Конечно же, полезный гаджет! Не друг, не родственник, а оно – техническое устройство. Оно всегда тебя поймёт, в отличие от живых людей. Ему совершенно без разницы прав ты или нет, в отличие от живых людей. Так кого же ты будешь любить: сложных и противоречивых людей, которые постоянно от тебя что-то требуют и которые постоянно делают что-то не так, как ты хочешь, или же маленькое техническое устройство, которое *ничего* от тебя не требует и которое всё делает так, как надо тебе? Ответ очевиден... Ну, ладно.

От его благодушного настроения не осталось и следа, и он опять превратился в строгого, педантичного и требовательного шефа.

– Так вот, коллеги. Несмотря на торжественность этого момента, мы не имеем никакого права радоваться, потому что это непозволительная чувствительность. Моя Цель всё ещё не достигнута окончательно. Норт, продолжайте эксперимент в штатном режиме, будто бы ничего не случилось. Вы хорошо знаете, чем опасны в нашем деле эмоции. Впрочем, я знаю, что вам это не грозит. Я взял вас как самого бесчувственного на планете человека. А я никогда не ошибаюсь. А вы, Кей, зайдите ко мне в кабинет. Я дам вам подробную инструкцию.

Клементина поднялась, не говоря ни слова, развернулась и направилась к выходу, ведущему в лабораторию. Мы же с Райзом направились к лифту.

Через какое-то время я стоял перед ним в его кабинете. Собственно, это было лишь преддверие кабинета, в сам кабинет он вообще никого не пускал. Это была комната, напоминающая кают-компанию космического корабля. Круглые окна походили на иллюминаторы. Большие плоские лампы распространяли белый матовый свет. На нескольких очень жёстких креслах и журнальном столике в беспорядке валялись устройства, заменяющие книги, и даже сами книги, которым было уже лет сто пятьдесят.

Райз уселся в одно из кресел. Сидел он прямо, не откидываясь на спинку и положив ладони на колени.

– Вот что вы сделаете, Кей. Вы распространите информацию о том, что я, Дедал Райз, создал первого в мире биоробота, но держу это в секрете. Пусть сначала поднимут шумиху, придадут теме резонанс. Вы же знаете, как это обычно бывает: сначала слухи, потом сомнения, споры и так далее. Затем, когда они созреют и любопытство возьмёт верх, они захотят спросить меня самого, правда ли это.

– Понял. Но позвольте вопрос.

– Позволю.

– Это правда, что вы создали биоробота?

– Разумеется, Кей. Разве я похож на человека, который любит пустозвонить?

– Я не хотел обидеть вас, Шеф.

– Вы же знаете, Кей, я никогда не обижаюсь. Обида – это чувство, а о чувствах я уже давно забыл.

– Я это к тому спросил, что почему бы вам тогда не сделать открытое заявление?

– Я мог бы заявить о моём открытии прямо, как вы предлагаете. Но в таком случае мне пришлось бы столкнуться с огромной массой невежд, которые будут спорить со мной, утверждать, что это противоречит законам физики, нормам морали или здравому смыслу. Я не собираюсь спорить с теми, у кого не хватает мозгов понять, что прогресс не стоит на месте. Пусть они грызутся между собой, и лишь потом обращаются ко мне. Да и потом, Кей, если вы скажете прямо, на это никто не обратит внимания. Сотни шарлатанов делают сотни подобных заявлений ежедневно. Даже мой авторитет не выделит меня из лавины этих кукареканий. Мне же нужен стопроцентный результат. И потому я хочу выдержать интригу.

– Вас понял. Сделаем в лучшем виде.

– Конечно сделаете, Кей. Куда вы денетесь? Конечно же сделаете...

Он застыл, глядя прямо перед собой, а перед ним был мой живот. Я не видел препятствий задерживать его и задерживаться самому. Я получил свою программу, и теперь должен был её выполнять. Нет, Райз создал первого биоробота не сейчас. Он создал меня ещё пять лет назад.

II. Разгильдай

Не люблю я так уж много говорить о своей персоне, и дело тут не в скромности, и даже не в скрытности, а только лишь в том, что даже мне самому это не так уж и интересно. Но раз пошло такое дело, то нужно объяснить, почему я оказался в этой лаборатории на побегушках у Райза, почему я ем яблоки, а не пюре из тюбика, и вообще как я дошёл до жизни такой.

Моё имя Касио – это испанский вариант древнего латинского имени Кассий, что означает «пустой». Но мои родители – Сони и Панасоник Кеи – вряд ли об этом знали. Они верили в мистику имён, и потому думали, что если назвать меня Касио, то я буду точным и исполнительным, как калькулятор. Мистика сработала, но не так, как им хотелось.

Родился я двадцать пять лет назад, то есть примерно тогда, когда мой шеф проникся своей Великой Идеей служить Великой Цели и забился в это горное гнездо. Его Величество Случай избрал для моего появления на свет весьма подходящее место – Мегаполис. Собственно, никакого выбора у Случая не было. В наше время вероятность родиться в Мегаполисе составляет девяносто девять целых и девять десятых процента. Оставшаяся десятая часть процента – это вероятность родиться на Международной космической станции, где сейчас проводится эксперимент по деторождению в невесомости. Важный, к слову, эксперимент: люди давно поняли, что рано или поздно доведут нашу голубую планету до такого состояния, что какой-нибудь Юпитер будет гораздо пригоднее для нашей жизнедеятельности. Так вот, пока что человечеству ещё не припекло, надо понять, можно ли размножаться где-нибудь по дороге к этой лучшей жизни. Но я родился не в космосе, а в Мегаполисе.

Сначала мы жили в одной части Мегаполиса, в Азии. Потом финансовые возможности моей семьи позволили переехать в другой район, более престижный, который находился в Европе.

Родители очень любили меня и заботились о моём развитии. С детства я был окружён всевозможными приборчиками и научился пользоваться телефоном гораздо раньше, чем разговаривать. Я ещё не научился ходить, но зато уже снимал сногсшибательные фото, которые мгновенно вызвали восторг тысяч моих «друзей» в социальной сети. Естественно, родители решили, что я технический гений.

Поначалу я их не очень разочаровывал. В школе я получал неплохие отметки, овладев искусством списывания у отличников. При этом сам я довольно быстро начал догадываться, что никаких умопомрачительных талантов у меня на самом деле нет, и в общем-то я самая обыкновенная и заурядная посредственность. Но все остальные поймут это не скоро, так что пока у меня есть время насладиться положением. Развивать в себе какие-нибудь способности я тоже смысла не видел. Всё равно жизнь коротка, а всё в этом мире есть тлен и суета.

К моменту окончания школы никто не сомневался в том, что я стану первоклассным программистом. Никого не смущало, что программистов в те времена было как собак нерезанных. Ведь без программиста ничего нельзя было сделать, даже позавтракать. У нас даже ложки и вилки были электронные. Почему? Да просто людям было вроде как стыдно в наш высокотехнический век пользоваться предметами, в которых вообще нет никакой электроники.

Короче, программисты в то время были как простые дворники. Но я то должен был стать не простым программистом, а высокотехническим профессионалом, которого будут зазывать к себе все ведущие мировые компании. И буду я большим боссом, летающим в аэролимузине и имеющим миллионы подписчиков в социальных сетях.

Родители и учителя постоянно твердили мне это, потому что свято верили – смысл жизни в постоянном совершенствовании своих способностей и навыков, в умении достигать поставленных целей, для чего у меня должны быть мотивация и стимул к успеху. Их мантры должны были усвоиться в моём подсознании как программа к действию. Я научусь мыслить креа-

тивно и нестандартно, в моей голове всегда будут новаторские идеи и инновационные проекты. Но они ошиблись и на этот раз: эффект был полностью противоположный.

В какой-то момент я заметил, что мои родители далеко не уникальны. Всем моим сверстникам талдычат абсолютно то же самое, что и мне. И тогда пытливый детский ум задался одним простым вопросом.

Ну, хорошо. Все мы, юные дарования, вырастем такими, какими нас выращивают, и оправдаем все возложенные на нас надежды. Станем невероятно компетентными специалистами и профессионалами экстра класса, сделаем блестящую карьеру и достигнем заоблачных высот. Вот только хватит ли на нас на всех золотых часов с бриллиантовыми стрелками, лимузинов с личными водителями (их, кстати, тоже ведь в детстве мотивировали на то, чтобы они стали боссами, а они почему-то стали водителями) и других дорогуших побрякушек, необходимых для того, чтобы хвастаться друг перед другом? Если и хватит, то это будет скучно до умопомрачения – хвастаться-то нечем и не перед кем, раз всё у всех есть. Но скорее всего и не хватит.

Если я задавал кому-нибудь этот вопрос, мне отвечали, что успеха достигнут далеко не все. Многие дети вырастают неудачниками. Но не потому, что у них нет возможности стать успешными – они-то как раз есть у нас у всех, потому наше общество и называют *Обществом Равных Возможностей*. Но чтобы реализовать эти возможности, нужно очень этого хотеть.

А что, кто-то хочет стать неудачником? – спрашивал я. Да, именно так. Из этого я делал для себя вывод, что в жизни неудачника тоже есть какие-то удовольствия.

Но всё равно вопрос оставался для меня нерешённым. И чем старше я становился и понимал что к чему в этой жизни, тем чаще я к нему возвращался.

Моими товарищами по школе, а потом и университету, были сплошь те, кто не находил никаких радостей в жизни неудачника, а стремился к карьере. Все они были достаточно мотивированы, хорошо учились и занимались развитием в себе разных навыков и умений, необходимых для того, чтобы быть конкурентоспособными на рынке труда. Ну, хорошо, думал я. Допустим, из ста моих товарищей получится сто первоклассных профессионалов. А каким-нибудь элитным фирмам и престижным банкам, где хорошо платят, нужно всего лишь десять.

И вот тут и начнётся настоящая конкуренция! Что делать каждому из этих ребят, чтобы доказать, что именно он достоин этого хлебного места, а не его товарищ, равный ему по компетентности и целеустремлённости? Правильно, надо всего лишь навсего понравиться боссу этой самой элитной фирмы больше, чем твой конкурент.

А это не так уж и просто, как кажется. Если шеф начитался популярных статей про физиогномику, теорию Ломброзо, соционику Юнга или ещё что-нибудь в этом духе, то вам заранее можно посочувствовать. Вот придёте вы на собеседование, и не успеете рта раскрыть, как босс уже всё про вас знает. По тому, как вы держите руки, босс будет судить, насколько точно вы будете исполнять его поручения. По вашему голосу босс поймёт, захотите ли вы его подсидеть. Чуть что не так, какая-нибудь мелочь – почешетесь там где-нибудь – и всё, вы нам не подходите, до свидания.

Чтобы понравиться боссу, нужно обладать уймой специальных компетенций. Это целая наука. Например, надо натренировать своё лицо таким образом, чтобы на нём сразу же читалось: «Возьмите меня, босс! Я не такой как все! Я буду делать всё, что вы прикажете, за ту зарплату, которую вам не жалко мне платить, и я никогда не буду просить вас повысить её, даже за отличную работу. Я всегда буду готов по первому зову прийти на работу в выходной, никогда не буду роптать на вас, если вы задержите зарплату, и уж точно никогда не пожалуюсь в профсоюз.» Вообще-то такое выражение лица вырабатывается само собой после десятого отказа. Но желательно, чтобы оно было не вымученным, а казалось максимально искренним. Ещё надо конечно же стать чемпионом по лести. «Прекрасный галстук, шеф! Оранжевый цвет,

у вас очень тонкий вкус. Отличный парфюм, не посоветуете? Ах, даже если посоветуете, всё равно не буду пользоваться, чтобы вы одни так одурманивающе благоухали!»

И даже если ты стал первоклассным специалистом, прямо как тебя в университете учили, малейшая ошибка – и полетишь вверх тормашками. Забыл улыбнуться, когда надо, забыл про коньяк на день рождения боссу, забыл посмеяться над его «удачной» шуткой – давай, до свидания! На твоё место вон ещё десять профессионалов, они будут сговорчивее.

А те десять уже наголодались. Они уже поняли, что им постоянно вешают лапшу на уши по поводу «конкурентоспособности», теперь они глотку перегрызут всякому конкуренту, чтобы только занять это место.

Таким образом, девяносто из ста университетских отличников будут выкинуты на улицу, как котята загулявшей кошки, и будут мыкаться по биржам труда, унижительным собеседованиям с фрейдистскими тестами на профпригодность, и в результате займут грошёвые места в шарашкиных конторах, торгующих непонятно чем и панически сворачивающихся при первом же намёке на появление правоохранительных органов. Кстати, и в элитных фирмах вам никто не собирается гарантировать, что все ваши действия не противоречат уголовному кодексу.

Работодатель имеет право на полнейший произвол, и более того, шеф всегда прав. Он подбирает себе персонал исходя из собственной выгоды и собственных вкусов. Я вообще молчу про такие вещи, как привередливость к полу и возрасту соискателя. По идее положено брать всех, чья профессиональная компетенция соответствует должности (в этом как-бы и суть конкуренции). Но работодатель берёт того, кто ему нравится и кто ему выгоден. Средней элитности работодателю выгоднее брать как раз и не самого лучшего специалиста, потому что настоящий профи экстра-класса может заломить за свою работу слишком уж большую цену. Профи квалификации поскромнее вполне сойдёт, чтобы на кнопки жать. В случае чего его можно поднатаскать, и свои условия он ставить не будет. А если такой вот «середняк» обладает приятными во всех отношениях внешними данными, достаточно сговорчив и лоялен – то цены ему нет!

И далее раскрывается следующий обман – оказывается, что не так уж важно, насколько ты квалифицированный специалист. Если ты был троечником в заборостроительном техникуме, где отличал алгебру от геометрии только со шпаргалкой, зато в совершенстве овладел всеми выше приведёнными навыками, перед тобой открыты все дороги, вплоть до всяких элитных фирм.

Чем старше я становился, тем сильнее убеждался, что вся эта система, заставляющая нас всё время мечтать о небесных кренделях, сплошной обман. В этой системе тебе должно быть абсолютно без разницы, кто ты сейчас. Тебя должно больше заботить то, кем ты станешь в будущем. Да, когда-нибудь, совсем скоро, ты обязательно станешь Большим Боссом. Думай об этом почаще, и не обращай внимания на то, что тот, кто уже Большой Босс, творит с тобой что хочет, а ты ещё и с умильной улыбочкой говоришь ему «спасибо». Подумай лучше о том, что когда станешь таким же, как он, то за всё отыграешься уже на своих подчинённых. А пока ты мечтаешь об этом, ты ищачишь не жалея сил ради прибыли этого самого Босса – бежишь как белка в колесе к заветному орешку, хоть орешек ближе к тебе не становится, зато колесо вертится и механизм работает.

Если смысл жизни действительно состоит лишь в том, чтобы по головам конкурентов прорваться к наиболее «престижному» колесу и стать высоко квалифицированным лизоблюдом, то уж увольте! Лучше тогда уж признать, что жизнь абсурдна и никакого смысла в ней нет.

Короче, я превратился в обыкновенного и заурядного студента-троечника, который сдаёт хвосты только после того, как получит по шее от декана факультета.

Лекции я чаще всего прогуливал. Моим основным занятием стала круглосуточная игра в компьютер. Здесь моё умение нажимать на кнопки было как нельзя кстати, и это давало

повод продолжать строить из себя компьютерного гуру перед немногочисленными оставшимися у меня со школы товарищами.

Но вместе с тем мне было жутко обидно за то, что с нами обращаются как со стадом овец, которое опытный пастух умело ведёт к месту стрижки. Я стал публиковать в интернете длинные рассуждения в жанре «срыв пелены тайны с правды о мироустройстве». Разумеется, под псевдонимом или вовсе анонимно, как это делали тысячи моих сверстников. Поначалу меня это вдохновляло – нас в интернете целый легион Сноуденов², виртуальных борцов с системой и анонимных храбрецов.

Виртуальный мир – это вообще идеальный мир. Здесь каждый доходяга может придумать, что он мускулистый культурист, или даже вампир из Страны Сумрачной Мглы, и в виртуальности все эти мечты сбудутся. И нам, юным правдорубам, становится в нём настолько уютно, что покидать этот мир не хочется вовсе. Пусть за окном слоняются толпы бездомных, коррумпированные чиновники творят беспредел, банкиры проворачивают свои миллиардные махинации, а все мы превратимся в ходячее желе без всякого смысла к существованию – здесь, в мониторах наших компьютеров, мы всемогущие маги, создающие законы своих миров.

В общем, я очень быстро обнаружил, что всем, по большому счёту, наплевать на мои анонимные откровения. Но я не расстроился. Как-никак, это их дело. Сам же я продолжил прятаться от правды в мирах видеоигр, и через какое-то время уже нельзя было сказать, где я живу, по эту сторону монитора, или же всё-таки по ту. Иногда я забывал, что я – это я, что я студент-программист и просто неудачник. Мне казалось, что я борец с драконами или зомби – в зависимости от игры, в которую я погружался.

Не думайте, что я был один такой. Многие мои друзья с головой уходили в вымышленные миры и даже не выныривали оттуда. Я знал парня, который две недели просидел не отрываясь от монитора. Он забывал о еде, о сне, о гигиенических потребностях, и вообще обо всём, о чём мы помним, когда пребываем в реальности. Потом он всё-таки вспомнил обо всём этом, но было поздно – сразу же умер. *Game over*³.

Когда-то давно врачи говорили, что есть такая болезнь – игромания. Но потом они перестали так говорить. Во-первых, что это за болезнь такая, которой болеют абсолютно все, и даже сами врачи? Во-вторых лечиться от неё как-то не хочется. Потом изобрели тубики с едой, так что играй себе на здоровье, кушай без отрыва от монитора. А всё почему? Да потому, что все эти погружённые в виртуальность ребята были абсолютно пассивны и полностью управляемы. Родись я лет двести назад, я с моими идеями мог бы замутить какую-нибудь протестную акцию и заставить больших боссов уважать наши права. Теперь же, когда все сидят по своим норам и радуются очередному убитому зомби, митинги и забастовки устраивать некому.

Но я не смог стать настоящим игроманом. Мне очень хотелось им стать, просто для того, чтобы ни о чём не думать. И на какое-то время мне удавалось достичь желаемого эффекта. Но я был неудачником во всём, даже в этом. Так уж сложилось, что даже если я буду изо всех сил стараться, всё выйдет наоборот.

А пока я старался, я совсем позабыл про учёбу в университете, которая казалась мне совершенной мелочью по сравнению с терзающими меня вопросами о смысле бытия. Так что не удивительно, что в один прекрасный день я провалил все экзамены и вылетел оттуда со свистом и второй космической скоростью. Попытки поступить туда ещё раз я решил и вовсе не предпринимать – теперь-то уже до всех дошло, что не судьба мне стать великим программистом.

² Эдвард Сноуден – сотрудник Агентства Национальной Безопасности США, в 2013 году опубликовавший данные о слежке этой спецслужбой за простыми гражданами разных стран мира. Стал символической фигурой человека, на свой страх и риск сказавшего правду и выступившего против могущественной силы.

³ игра окончена (англ.)

Лучше уж быть фрилансером – рассудил я. Начальники будут нанимать меня только на один раз, платить гроши, зато я не буду ни от кого зависеть. Сиди себе в своей комнате, можно даже ни с кем не встречаться, а принимать заказы по интернету. Не видишь ни своих конкурентов, ни босса, будто бы их и нет вовсе. Красота!

Сферу своей профессиональной деятельности я тоже подыскал достаточно быстро. Я с детства отличался едким остроумием, мог придумывать разные скабрёзности, обидные обыкновения и язвительные анекдоты о несовершенствах человеческой природы. Как ни странно, они нравятся не только школьникам, но и вполне себе деловым людям, которым после ударного трудового дня и усердной полировки языком ботинок Босса хочется посмеяться над другими, так похожими на них, но всё-таки другими. А что может быть лучше, когда тебе платят за то, что ты отводишь душу на тех, кого так не любишь?

Я регулярно наполнял различные интернет-сайты всякой ерундой, обильно брызгал ядом во все стороны, и даже немного прославился. Хотя я и перебивался с хлеба на квас, но на карманные расходы у меня деньги были, и это меня вполне устраивало.

Кстати, чуть не забыл рассказать о яблоках. Однажды, решив прогуляться, я забрёл в один глухой район Мегополиса, и обнаружил там чахлое дерево, на котором висели какие-то мелкие, сморщенные зелёные шарики. Я подумал, что скорее всего это яблоки. Я часто видел их на эмблеме популярных электронных устройств. Потому мне казалось, что каждое нормальное яблоко надкусано. Но они не были надкусаны. Тут я вспомнил, что когда-то давно люди их ели. Я решил рискнуть – даже если они ядовиты, то хоть раз сделаю что-нибудь эдакое. Останусь жив, будет о чём написать в блог. Я сорвал яблоко с ветки и положил в рот. Оно было кислое, но мне понравилось. У него внутри была жидкость, позже я узнал, что это называется сок. Всё это очень не походило на тубики с пастой или кофе. И я решил есть одни яблоки, как, наверно, ели люди лет двести назад. Вдобавок я мог экономить на пасте – яблоки по какой-то случайности или чьему-то недосмотру росли бесплатно.

Через пару дней я выкопал яблоню и посадил в большую кадку в своей комнате. Если бы я этого не сделал, её бы закатали в асфальт бульдозером при строительстве очередного моста, соединявшего два разделённых Атлантическим океаном района Мегополиса.

Основным моим занятием стало старание не думать о том, что сейчас со всеми нами происходит. Я очень этого хотел, у меня было множество всяких стимулов, но что-то всё никак не получалось. И время от времени я пытался ответить себе на вопрос: что же такое случилось с нашей цивилизацией, что у человека есть только два варианта: быть успешным подхалимом или же киселём-неудачником?

Говорят, всё это потому, что наступила новая эпоха. Раньше, мол, в тёмные дремучие времена, не было никаких высоких технологий, и потому люди пахали поля, лепили горшки, корпели у станков, одним словом, всячески надрывались. Эти бедные несчастные люди уставали, быстро старели, и, не успев толком потоптать землю, бесславно отправлялись на кладбище. А потом на наше счастье появились компьютеры, а с ними всевозможные «непыльные» способы заработка. Конечно же, физический труд и сейчас никуда не делся, но заниматься им не престижно и не модно. Техническая революция навсегда изменила нас, и дело здесь не только в том, что нынешний человек помирает не от усталости, а от ожирения. В те доисторические дотехнические времена каждому было гарантировано место под солнцем и, пусть и не пир горой, но что-нибудь на обед. Богатство твоего стола зависело только от твоего труда: сделал хороший горшок, хорошо вспахал землю – кушай на здоровье. Ради этого не нужно было ни с кем конкурировать и превращать себя в Арлекина «на позитиве» в стиле «чего изволите-с». Но это же неизбежные жертвы на алтарь прогресса, не так ли? В общем, умные дяденьки уже назвали нашу новую эпоху эпохой сверхиндустриализма. Я бы назвал её эпохой жуликов и хамелеонов. Только тс-с-с! Я вам этого не говорил.

И ещё. Не подумайте, что это я брюзжу о «старых добрых временах», когда небо было голубее, трава зеленее, и люди зарабатывали честным трудом, а не рекламой очередной «экологически чистой» отравы «без консервантов и ГМО» или кредита на «сверхвыгодных условиях», прописанных внизу страницы микроскопическим шрифтом. Может быть, небо и вправду было голубее – всё-таки тогда его не успели закоптить выхлопными газами – но я никак не мог в этом убедиться, потому что времена эти закончились лет эдак за двести до моего рождения. Так что ностальгировать мне просто не по чему, даже если бы очень захотелось. К тому же я типичный представитель своего поколения, и в своей эпохе я как рыба в воде.

Вернусь, однако, к своей истории. Так вот, жил я и почти не тужил. Вскоре меня даже стали узнавать – это же тот самый Касио Кей, программист-неудачник, который не работает, не пользуется генератором сновидений, ест яблоки, и у которого всегда наготове какая-нибудь скабрёзность. Меня презирали, но в глубине души мне завидовали.

Отношения с противоположным полом не складывались – из историй анонимов я усвоил аксиому, что все девушки – прекрасные, но легкомысленные создания, которых волнует только мишурный блеск, а главное, им нравятся парни-спортсмены, на которых я даже отдалённо похож не был. Идти в спортзал было лень – всё равно это тело когда-нибудь сгорит в огне крематория. Потому я твёрдо знал: может быть, когда-нибудь я найду жену, обожающую видеоигры и комиксы, а не гламурные журналы про звёздные сплетни. Может быть, такие и существуют. А может быть, и нет. Как бы там ни было, чего пока на этот счёт заморачиваться?

Но вот я перешёл на двадцать первый уровень моей жизни, и родители стали высказывать мне всяческое мной недовольство. Хотя я не очень-то и сидел на их шее – всё-таки пусть я и сутками не покидал комнаты, я имел какой-никакой заработок, никому не мешал, и к тому же меня не нужно было кормить, но я всё равно их не устраивал. Во-первых, я не оправдал возложенных на меня надежд, и им было стыдно рассказывать обо мне родственникам и коллегам – тем самым, которым они десять лет назад прожужжали все уши разговорами, какой у них сын вундеркинд. Во-вторых, я казался им весьма стрёмным типом. Все странности моего поведения, наверно, натолкнули их на мысль, что я член новой секты и однажды ночью, когда они подключатся к генератору сновидений, принесу их в жертву духу своей яблони. В общем, они выдвинули мне ультиматум: или я нахожу себе работу, или выметаюсь из квартиры на мороз.

Последний вариант был привлекателен лишь наполовину, так что мне волей-неволей пришлось заняться поиском вакансий. Искал я примерно следующее: «Солидная корпорация предлагает должность генерального директора или хотя бы начальника отдела остроумия креативному парню с характером, но без образования и явных талантов». Довольно быстро в виду отсутствия подходящих вариантов мне пришлось переключить своё внимание на разделы «курьеры» и «официанты».

Но эти профессии, сопряжённые с тяжёлым физическим трудом, явно не соответствовали моему отнюдь не атлетическому телосложению. Так что оставалось только уповать на чудо, и чудо, к моему немалому удивлению, произошло.

Текст чуда гласил: «Учёный с мировым именем ищет секретаря. Возраст, образование, характер и прочая ерунда не имеет никакого значения. Жить и работать придётся в уединённом месте, где на мили вокруг нет ни одного человека. Главное – секретарю никогда не придётся ни о чём думать.»

Я набрал указанный номер телефона, исключительно ради того, чтобы убедиться, что это розыгрыш, и продолжить своё унылое существование в состоянии привычной безнадёги.

Но скрипучий и противный металлический голос уведомил меня, что розыгрыша здесь и близко нет. Так я стал секретарём Дедала Райза.

III. В ритме мегаполиса

Итак, я оправился выполнять поручение Шефа. Спустившись в гараж, я сел в свой маленький реактивный аэромобиль – старенький, подержанный, но ещё на ходу, то есть на лету – и полетел с горы вниз, где раскинул свои гигантские щупальца Мегаполис. Оказавшись в его границе, я сразу же попал в большую пробку. Аэромобили стояли в три слоя. Мой драндулет выше третьего взлететь не мог, так что пришлось стоять. Сверху меня обгоняли более современные модели.

Но я был опытный водитель и знал, что мелкие габариты моего аэромобиля дают мне кое-какие преимущества. Я свернул в сторону и аккуратно проскользнул в щель между двумя небоскрёбами, стоявшими почти вплоты друг к другу, и оказался на параллельном проспекте. Здесь было немного свободнее: пробка в два слоя, а не в три.

Я направлялся не куда-нибудь, а в ночной клуб с намекающим названием «XXII век lounge⁴». Именно это увеселительное заведение было местом, куда всё население Мегаполиса стягивалось расслабиться и «оттянуться на всю катушку».

К моменту моего прибытия на забитую до отказа стоянку клуба как раз стемнело – не потому, что я так долго ехал, напротив, путь был относительно недалёк. Просто этот район Мегаполиса и наша лаборатория находились в разных часовых поясах, так что когда у нас рассветает, здесь ещё только сгущаются сумерки.

Выбравшись из аэромобиля, я сразу же увидел очередь из жаждущих культурно провести досуг. Средний возраст собравшихся если и превышал школьный, то лишь на столько, на сколько это заметно их бывшим классным руководителям. В дверях, покрытых плёнками и следами от обуви тех, кого сюда не пустили, стоял бройлерного вида детина. Его жёсткая борода скрывала многоуровневый подбородок, а тёмные очки – затуманенный взгляд наркомана.

Подобравшись ближе, я расслышал фразу, которую он твердил сквозь зубы: «Это V.I.P. вечеринка. Только по приглашениям». Из-за жвачки, которую он при этом жевал, будто-бы опасаясь потерять вставную челюсть, к которой она прилипла, он напоминал чревовещателя.

– Валите на свою школьную дискотеку, – не выдержал наконец верзила, и я, будь у меня с собой таблички с баллами, выставил бы ему заслуженную четвёрку с минусом за остроумие. Толпа зашумела ещё громче – ничто так не задевает, как правда.

Тем временем я, деликатно расталкивая всех локтями, пробрался к эпицентру событий и предстал перед грозными очами местного Цербера. Для того, чтобы получше разглядеть представшую перед ним картину и убедиться в том, не галлюцинация ли я часом, ему пришлось даже сдвинуть на нос очки. У меня не было татуировок, пирсинга или кольца в носу, я не ходил на шпильках и не носил юбки выше колен. Вместо всего этого я мог дефелировать в потёртых джинсах – без всяких модных дырок на коленках – и шерстяном вылинялом свитере пегого цвета. Странно, но именно моё полное безразличие к внешнему виду наводило многих на мысль, что я большой оригинал. Правда, не в этот раз.

– Парень, ты ошибся. Дурка за углом.

Я нагло посмотрел поверх его очков, что заставило его натянуть их обратно. Конечно, можно сказать ему, что здесь у меня назначена встреча с одним широко известным типом, что было чистой правдой, но это было бы слишком пошло. А я предпочитаю держать марку.

Сунув руки в карманы, я достал из одного из них яблоко и протянул к самому его колбасному носу.

– Ты, гроза пятиклассников, знаешь, что это?

⁴ Lounge – (досл. «безделье») стиль клубной музыки, присутствует в названиях многих ночных клубов.

Он тарасился на незнакомый предмет, боясь вымолвить хоть слово.

– Оно и видно! А знаешь ли ты, что это срывает кукушку как ураган в десять баллов? Знающие толк чуваки улетают прямиком в нирвану с первого же раза. Это тебе не то, что веселящий газ в воздушном шарике.

На его напоминающем купол планетария лбу выступил пот.

– Мне... мне это... не велели впускать...

После этих слов я почувствовал к нему почти нежность, будто бы он был моим младшим братом. Я отличался от него лишь тем, что мне велели, чтобы меня впустили.

– Кого тебе не велели впускать? Меня? Не, я конечно, могу пойти в другой клуб, где пиплы не так тормозят, как ты. И завтра ты будешь вдвухать газок в шарики вот этим малышам...

– Проходи, – взмолился охранник, с усилием распахнув скрипучую дверь клуба.

– О'кей, гарсон. Веди себя хорошо, и я никому не расскажу про твоё невежество.

Зрелище, представившееся моему взору внутри, было по-настоящему впечатляющим. Цербер не наврал, вечеринка действительно была только для комильфо. Шариков с веселящим газом здесь и в самом деле не наблюдалось, но они и не требовались. Всё происходящее смахивало на обряд вызова дождя в племени зулусов. Вошедший в транс шаман бился в конвульсиях в центре зала. Перед ним был не барабан, а аппарат с множеством кнопок и лампочек, но особой разницы между ними не чувствовалось.

Чуваки, забудьте о рутине!

Мы приехали сюда на красной машине.

Выпей-ка ещё мартини!

Танцуем мы как заводные!

Остальные участники церемонии либо дёргались под музыку на танцполе, как ужи на сковороде, либо просто храпели в такт, лёжа на барной стойке. Рядом с ними я и увидел толстого субъекта в ярко-жёлтом пиджаке. Он сидел на высоком стуле лицом к танцующим, положив локти на стойку, болтал пухлыми ножками в воздухе и лениво потягивал из бокала густую жидкость ядовито зелёного цвета. Он был чуть постарше меня, но, что называется, солиднее и добротнее – сразу видно, субъект хорошо и регулярно питается, не утруждает себя лишними физическими нагрузками, снимает стресс в массажном салоне и не омрачает жизнь размышлениями о ней. У него было лощёное лицо с крупными чертами, чуть отвислые щёки, круглый подбородок, окаймлённый серебристой бородкой. Узенькие, потонувшие в жировых складках глазки смотрели на мир с детской наивностью, которую он весьма неумело имитировал. Это и был Айс Вист – прославленный скандалами светский хроникёр, ради которого я и притащился в это заведение.

Мы были поверхностно знакомы с тех времён, когда я подрабатывал в средствах массовой информации. Поверхностно – то есть чуть более близко, чем это позволяют современные приличия. Пару раз мы довольно весело проводили время на вечеринках, обмениваясь едкими замечаниями на счёт подвыпивших коллег. После моего ухода к Райзу мы поддерживали отношения ровно настолько, насколько могли друг другу пригодиться.

Заметив меня, журналист сделал вид, что обрадовался.

– Касио! – воскликнул он. – Наконец-то кто-то живой в этом царстве зомби! Что заставило тебя спуститься с твоего Олимпа на нашу грешную землю?

– Я всего лишь Меркурий, которого Юпитер посылает делать то, что ниже его достоинства.

Я залез на стул рядом с ним, и Айс жестом заказал бармену два коктейля на его усмотрение.

Вообще-то я сразу заметил, что Айс мгновенно напрягся, и даже жирные веки не могли скрыть лихорадочного блеска его зрачков. Мы могли бы перейти к делу не медля, но ему хотелось соблюсти светские условности, а мне – немного над ним подтрунить, раз уж выпала такая возможность.

– Я смотрю, Айс, ты превратился в опытного дегустатора коктейлей.

Журналист, за которым раньше и вправду не водилось большого энтузиазма по этой части, попытался хихикнуть, но получилось утробное хрюканье.

– Да как подумаю, сколько эти остолопы оставят здесь промоутерам, так сразу понимаю, что промахнулся с выбором профессии.

– Брось прибедняться, Айс. Эти люди когда-нибудь поставят тебе памятник за то, что ты регулярно снабжаешь их темами для бессмысленной болтовни, которая отвлечёт их от реальных проблем и поможет избежать серьёзных разговоров. Да и вообще, что бы они делали без тебя? Все они смотрят не в окно, а на экран телевизора или компьютера. Перефразируя слова великого – никто не знает, чего он хочет, пока ты не покажешь им свою статью⁵. Если бы такие как ты не ходили на подобные вечеринки, люди непременно решили бы, что отдохнуть можно и как-нибудь по-другому, а не только в полуживотном забытии.

– Да, ты прав, – согласился Айс. – Так выпьем же за здоровье тупоголового обывателя, который даже если за окном будет бушевать ураган или на нас нападут марсиане, будет жаждать статей про гламурные интрижки!

Он залпом вылил в свою глотку бокал, и я показал бармену подсмотренный у Айса жест – не люблю оставаться в долгу, тем более за выпивку. Хотя до этого я незаметно вылил на пол содержимое своего бокала, и со второй порцией намеревался сотворить то же самое.

– Вот ты презираешь их, Айс. А я им завидую.

– Чего это?

– Меньше знаешь – лучше спишь. И меньше пьёшь.

Он фальшиво рассмеялся, погрозив мне пухлым наманикюренным пальцем.

– Ты всё в своём стиле, язва ты эдакий!

Но лимит его терпения явно истощался, и он не выдержал.

– А как там Райз? Изобрёл чего-нибудь наконец?

– Ты, Айс, парень не промах. Ждёшь, что я вот так невзначай подкину тебе чего-нибудь горяченького?

– Что ты, Касио? Я же чисто по-человечески...

Он шумно сглотнул слюну и уставился прямо мне в рот, опасаясь, что мои слова исчезнут по дороге и не долетят до его ушей.

– Ладно, ладно. Не прибедняйся. Мы с тобой ведь свои люди. Ты подумал об этом сразу же, как только увидел меня здесь, и даже потратился на коктейль, чтобы я был разговорчивее. Вот только зря, Айс. Я и так бы тебе рассказал, потому что у меня на него зуб, и я хочу его проучить. До вчерашнего дня я не знал, над чем трудится Райз, а как узнал, так вот и обомлел. Он создал первого в мире биоробота!

– Ничего себе!

Дрожащими руками журналист поднёс ко рту бокал, не заметив, что он пуст, кое-как поставил его на место и вытер вспотевшую физиономию жёлтым галстуком.

– Да, представляешь. И мне ничего не сказал. Это при том, что я столько для него сделал, да и вообще, что бы он смог без меня?

– Вот мерзавец! И ведь прессе тоже ничего не сказал.

– Да, за это бы его вообще следовало бы четвертовать. Только никому ни слова, что это я тебя просветил.

⁵ Имеется в виду афоризм бизнесмена Стива Джобса «Никто не знает, чего хочет, пока я не покажу им это.»

- Касио, ты же меня знаешь.
- Знаю. Потому и предупреждаю.
- Касио, я напишу «из проверенных источников».
- Пиши что хочешь.

Он вскочил с места, и, замаявшись, пробормотал:

- Тогда я пошёл... извини, я вспомнил, у меня там срочные дела...

Я решил избавить его от необходимости тратить время на благодарности и соблюдение видимости приличий, тем более, что несколько минут в компании этого типа не приносили мне никакого удовольствия.

- Давай, куй скандал, пока горячо.

И он побежал к выходу, даже забыв со мной попрощаться, за что я, правда, несколько на него не обижался.

Итак, рыбка клюнула. Я даже удивился, как легко всё получилось. Но, стоило мне расплатиться с барменом и засобиравшись к выходу, как выяснилось, что вечер только начинается.

Двери клуба распахнулись от удара сапога, и в зал вихрем ворвалась чёрная толпа. Тусовщики как по команде сползли под столы, бармен исчез под стойкой. Очевидно, это было ограбление. Мне было прятаться некуда, так что я просто не шевелился, пытаюсь слиться с обстановкой. Может, меня примут за восковую фигуру? Ведь на моём лице не выражалось ни эмоций, ни мыслей.

Над моей головой просвистел стул. Он протаранил стеллаж с бутылками, и они рухнули вниз, как раненные бойцы после пушечного выстрела, внизу разлетаясь вдребезги. Гнилой запах винных паров стал ещё сильнее. Тем временем ряды погромщиков регулярно пополнялись, и сейчас их стало уже под сотню. До меня этой шумной ватаге не было никакого дела.

Следующий стул сбил с потолка блестящий шар. Ритмичная музыка стихла, и вместо неё заиграл тяжёлый рок. Кто-то поднял над головой красные и коричневые флаги. Вот очередная порция хулиганов внесла на руках некое худосочное тело и водрузила его на один из столиков.

– Револю-ю-юция! – заверещало тело, взметнув высоко над головой острые кулачки. – Буржуев долой! Банкирам смерть!

- Ур-р-ра! Власть народу! Да здравствует анархия!

У него была лохматая шевелюра и борода клинышком. Ярко-красный пиджак смотрелся небрежно. Его возраст было трудно определить, и, если бы я не знал, кто это, то дал бы ему от сорока до ста. Но я знал Мао Брода – редактора оппозиционной газеты, пользующейся популярностью у трудных подростков и пенсионеров, всё ещё ждущих мировую революцию.

– Нет глобализации! – воскликнул он в экстазе, похожем на истерику. – К чёрту общество потребления! Наплюём на сытый обывательский рай! Все на баррикады!

Меня всё время подмывало спросить его: если долой глобализацию, то что вместо неё? Что может противопоставить Мао Брод столь ненавистному мещанскому счастью и бездуховному потреблению? У меня неоднократно была возможность спросить его об этом, но я не горел желанием тратить попусту время. Он ответил бы одним из своих лозунгов, ничего не значащих, а только кружащих голову и будоражащих воображение, а мне не хотелось снова окунаться в компот из несовместимых идеологем далёкого прошлого, которым он потчевал своих немногочисленных последователей.

Собственно, тем он и привлекает страдающих юношеским или старческим максимализмом. Ломать, как известно – не строить, да и в глубине души они понимают, что их бунт ничего не изменит. Если бы они действительно получили такую возможность, они просто испугались бы этого. Слишком большая ответственность. Чтобы что-то построить и сделать мир лучше одного лихого задора мало, нужно всестороннее образование, эрудиция и способности, которых у них не было, и они это знали. Хаос, который творился у них в голове, не способ-

ствовал интеллектуальному развитию. Так что всё это сборище по сути было тем же, что и прерванная ими вечеринка.

При всём при этом Мао чрезвычайно удобен тем, кого он столь яростно критикует. Любой маломальски здравомыслящий человек, послушав агитацию этого бунтаря, приходит к мысли, что только помешанный будет протестовать против существующего миропорядка. Если он призывает вешать банкиров на фонарных столбах, значит, власть банкиров – самая разумная власть. Если он выступает против потребительства, значит, только подобные ему сумасшедшие отщепенцы не разделяют общепринятых идеалов. Так что все, кто считает себя приличным человеком, будут покупать разрекламированные товары, которые им не нужны, хотя бы только лишь для того, чтобы делать всё наперекор заветам Мао. Современные хозяева мира должны молиться на него, и, как я подозреваю, они щедро благодарили его за то, что он есть.

– Комарадос, это же Касио Кей! – закричал Мао, метнув в мою сторону кулачок. – Он служит буржуям, но в душе он наш человек. Касио, расскажи товарищам, как живётся тебе под гнётом эксплуататоров.

– Спасибо за предоставленное слово, команданте, – ответил я. В голове сразу же созрела мысль: глупо не воспользоваться такой ситуацией и не направить фонтанирующую впустую энергию в нужное мне русло. – Да, товарищи, грозовые тучи нависли над мировым пролетариатом. Буржуазный мрак затмил солнце анархии. Это биороботы, несущие с собой дух гнили и разложения империализма. Дедал Райз давеча создал первого из них.

Толпа замерла, у кого-то даже невольно вырвался напуганный возглас.

– Мы должны восстать ради слома рабских оков, – продолжал я. – Товарищи, разнесите эту весть всем, кто готов к классовой борьбе. Поднимайте тех, кто способен подняться. Мао, эта новость должна оказаться на передовице твоей газеты.

– Правильно! Все на баррикады!

– Крушить роботов!

– Вешать их на фонарных столбах!

Получив поддержку аудитории, я покинул трибуну, предоставив слово основному оратору, который тут же ринулся в бой.

– Товарищи, настало время решающего поединка с сатрапами и эксплуататорами! Наша классовая ненависть – наша великая сила!

К тому моменту я уже под шумок покинул клуб. Пока я не захлопнул дверцу аэромобиля, до меня продолжали доноситься крики: «Смерть роботам!», «Власть анархистам!», «Слава нации!» и так далее. Я был чрезвычайно доволен собой – ну кто сделал бы Райзу лучшую рекламу, чем я?

На экране двери моей комнаты я увидел распоряжение Райза: в какое бы время я ни вернулся, он ждёт меня в кают-компании с докладом. Я поднялся в лифте и застал его сидящим в кресле с лазерным паяльником в руке, которым он чинил какую-то микросхему. Он всегда делал это, когда нужно было отвлечься: так многие люди решают кроссворды или вяжут носки.

Я поведал ему о своих приключениях, он выслушал, кивнул и резюмировал:

– Всё правильно, Кей. Всё, как я и рассчитывал.

Будто бы это он всё это проделал. И никакой благодарности.

– Спасибо за доверие, Шеф.

– Не в этом дело, Кей. Вы не могли не сделать этого. В людях я не ошибаюсь.

– А, понятно. Но даже если и так, можно всё равно вас кое о чём попросить?

– Если это не будет противоречить нашей цели.

– Можно взглянуть хоть одним глазком на этого вашего биоробота? А то как-то не честно рекламировать то, чего ты даже не видел.

– Вы думаете, что все, кто что-то рекламирует, говорят правду?

– Нет. Но они её хотя бы знают.

– Вот что, Кей. Всему своё время. Биороботу будет чему поучиться у вас, так что рано или поздно я вас познакомлю. Но не сейчас. Пока что вы можете сбить его с программы.

– Ну ладно...

– Теперь идите.

Я вышел и пошёл спать. Слова Шефа казались очень странными, и я хотел было даже подумать над ними, но потом решил, что лучше не рисковать. Как там это... можно с программы сбиться. Тогда я принял душ, а точнее, душ принял меня, лёг в постель и заснул.

IV. Невероятная презентация

Из состояния экономии энергии меня вывели какие-то необычные звуки, доносившиеся с улицы. Они напоминали гудение моторов сотен автомобилей. Это было странно, потому что за всё время моего пребывания в лаборатории, я не мог припомнить чего-то, что выходило за рамки строго установленных Шефом правил. Гул с улицы в них явно не вписывался.

Я подошёл к иллюминатору, и пред моим взором предстала фантастическая картина. Перед зданием лаборатории собралась огромная толпа, заполонившая всё свободное пространство, и уходящая за горизонт. На передовой бок-о-бок стояли Айс Вист и Мао Брод. Оба что-то скандировали, и физиономии у обоих сверкали от пота и возбуждения.

«Быстро же, однако, – подумал я.

Кое-где над толпой качались флаги с анархической символикой, пятиконечными звёздами и свастиками. Можно было подумать, что это и есть то самое волнение революционных масс, которое видел в радужных снах Мао, если бы не вспышки фотокамер, мерцающие то там, то здесь, и поднятые высоко над головами гаджеты. Если зайти сейчас в любую социальную сеть, там наверняка будет тысяча записей вроде «я в горах. А вот моё фото на фоне непонятного железного здания. Я не знаю, что я здесь делаю, но все мы потащились за двумя клоунами в разноцветных пиджаках.» Собственно, большая часть собравшихся пришла сюда, чтобы потом похвастаться перед коллегами на обеденном перерыве. Да и вообще это же отличная возможность раскрасить серые будни. Журналисты этого не понимали и кричали:

– Биоробота! Покажите нам биоробота!

Разобравшись, что к чему, я направился к Шефу. Тот как ни в чём не бывало сидел и спаивал свои провода.

– Вы ещё здесь, Кей? – осведомился он, не поднимая на меня глаз.

– А где же мне быть, Шеф? Жду ваших инструкций.

– Ах, ну конечно же, Кей. Я всё время забываю, что вы без них не можете. Идите к ним и успокойте их. Потом я сам к ним выйду.

– Понял.

У нас в лаборатории есть маленький балкон, уж не знаю, зачем его сделали. На него я и вышел. Сделал вид, что недоволен столь злостным нарушением общественного порядка и вторжением на частную территорию, оглядел это сборище недружелюбным взглядом и крикнул:

– Чего вы все тут забыли?

При этом я не забыл подмигнуть Айсу, чтобы он не испортил весь спектакль.

– Нам нужен биоробот! – заверещал Айс.

– Трудящиеся хотят знать правду! – подключился Брод.

– Общество должно знать, что вы скрываете в своих застенках! – неистовствовал Айс. – Мы имеем право доступа к достижениям прогресса!

– Даёшь прогресс в массы! – вопил Брод.

Толпа уже смекнула, в чём дело, и тоже стала скандировать: «Би-о-ро-бот! Би-о-ро-бот!»

– Нет здесь никаких биороботов, – ответил я, пытаюсь перекричать сразу тысячу глоток. – Разве только кроме меня.

– Слушайте вы, нам не интересны ваши остроты! Ведите сюда Райза и пусть он показывает нам робота. Или мы пойдём отсюда, найдём что-нибудь более сенсационное. А вы пожалеете, что упустили такой шанс прославиться.

– Я не намерен разговаривать с вами в таком тоне, – воскликнул я, изображая праведный гнев. – Какое нахальство!

На балкон выскочила Клементина, обвела глазами толпу и констатировала:

– Как их много...

– Привыкайте, – сказал я.

– Я-то привыкну. А вот он...

– Да, для Шефа это будет непривычно. Кажется, он двадцать пять лет сидел дома и не ходил на подобные тусовки. А они вот взяли и сами пришли.

– Я не о докторе.

Она исчезла в здании, оставив меня одного перед этой ревущей оравой.

– Где робот? Где киборг? Где он? Давайте его сюда!

– Мы имеем право!

– Мы требуем киборга!

Мой запас возможных ответов исчерпался, а Райз так и не появлялся. Потому я пошёл внутрь здания, чтобы его поторопить. Оказалось, он спорил с Клементиной. Точнее, Клементина пыталась в чём-то его убедить.

– Доктор, он ещё никого не видел кроме меня и вас. Это может его шокировать.

Шеф на неё даже не смотрел, и отвечал, как автомат:

– Этого требует моя миссия, и я не собираюсь щадить чувства робота.

Спорить с ним было бесполезно, да Клементина и не особо-то старалась. Она развернулась и стремительно вышла из комнаты, а Райз заковылял к балкону.

Узрев эту фигуру, толпа мгновенно затихла. Даже журналисты, повидавшие в жизни многое, в первый момент растерялись. Шеф выдержал паузу, позволив им осмотреть себя с ног до головы и ощутить священный трепет, после чего судорожным движением вскинул руку ладонью к толпе и закричал голосом, похожим на скрежет железа о стекло:

– Так значит, вам нужен биоробот?

Толпа стала съезжаться. Каждый индивид попытался спрятаться за спину впереди стоящего, а те, кто стоял в первом ряду, в свою очередь пятились назад, или старались оказаться в тени Айса с Бродом. Этим двоим прятаться было не за кого, так что им пришлось наскрести остатки смелости со всех уголков своих душонок и кивнуть.

– Так вы его получите! – с неожиданной торжественностью воскликнул Шеф. – Я – Дедал Райз, создал первого в мире биоробота, наделённого искусственным интеллектом и искусственным сознанием! Двадцать пять лет я шёл к этому, приближая день, который изменит человечество. И вот он настал!

Шеф сделал театральный жест, но никто не появился. Я заметил, как лицо Райза, до этого напоминавшее маску, стало дёргаться, особенно ноздри и веки. Он стиснул зубы, но сохранял эффектную позу.

– Ну и где этот ваш хваленый девайс? – осведомился Айс. – Давайте быстрее, а то у нас обеденный перерыв скоро.

– Ничего. Вы пропустите свой перерыв, – заверил его Райз. – Это не просто очередной гаджет, не очередная безделушка, которая помогает вам убивать своё время. Биоробот, созданный мной, поднимет человечество на принципиально новую ступень. Он ознаменует наступление новой эпохи. Я дам людям то, чего они ждут с самого момента зарождения цивилизации!

– Это интересно, – промычал Айс.

– Норт, выводите же! – в нетерпении каркнул шеф, и в следующий момент в дверном проёме показалась Клементина.

Двигалась она медленно, не глядя на толпу, и казалась, как обычно, погружённой в себя. Но тут я заметил, что она не одна. Вслед за ней показался парень-подросток, которого она осторожно вела за руку. Я никогда его не видел, хотя, судя по всему, достаточно долго жил с ним под одной крышей. Внешне он был удивительно похож на Клементину: такой же бледный, с такими же прямыми волосами тёмно-русого оттенка, только они были короче и немного темнее. Глаза у него были большие и широко раскрытые. Он зачарованно взирал ими на сборище

под балконом. Из одежды на нём была туника того же серебристого цвета, что и кожа. В глаза бросалась его стройность – не то, что все его сверстники, чьи спины скрючились от сидения за компьютером.

– Вот он! Вот то, что сделает вас счастливыми! – воскликнул Райз, судорожно дёрнув тощей рукой в сторону парня. – Я назвал его Степ, потому что каждый шаг этого молодого человека – гигантский шаг для человечества. Шаг в новую эпоху!

И снова как по команде грянули аплодисменты, будто бы сотни пушек выстрелили разом. Толпа озарилась сотнями вспышек – каждый хотел первым опубликовать фото первого в мире биоробота и тем самым прославиться в своей социальной сети. А Степ стоял и заворуженно смотрел на них, будто бы в них было что-то необычное.

– Постойте! Постойте! – завопил Айс. Всё-таки акулам пера положено вырывать сенсацию зубами, а не пассивно жевать то, что им положат в рот. – Доктор, нам очень хочется верить вам, но чем вы сможете доказать, что молодой человек, которого мы видим рядом с вами, действительно является роботом-андроидом, а не актёром-имитатором?

После подобного заявления Райз резко распрямился, дёрнул нижней челюстью, будто бы ускоряя бегающий по его проводам ток, и ответил:

– Что же, это весьма справедливое замечание, господин журналист. Если я сам, восстановивший себя после паралича, не являюсь для вас живым доказательством того, на что я способен, я докажу вам это опытным путём. Для начала назовите любое трёхзначное число, какое вам больше нравится.

Поразмыслив, Айс остановил свой выбор на числе сто одиннадцать.

– Теперь вы, будьте любезны сделать то же самое, – обратился Шеф к Мао.

– Семьсот семьдесят семь.

– Произведение этих чисел, Степ, равно...

– Восемьдесят шесть тысяч двести сорок семь, – выдал парень, едва Райз успел выговорить своё задние.

– Проверяйте, – сказал Райз небрежным тоном.

Айс полез в карман за своим мобильным гаджетом, и, пока он тыкал в его экран толстым влажным пальцем, прошло не менее половины минуты – Степ ответил в разы быстрее.

– Точно! – воскликнул он с круглыми, как блюдца, глазами.

– Теперь вы видите, что это не профанация? Степ считает в уме гораздо быстрее вашего модного аппарата. Разве человек на такое способен? Человеку это и не к чему, потому что за него это делает калькулятор.

Айс согласно кивнул, и они с Бродом переглянулись: на лице жёлтого журналиста было написано, что он впечатлён, но его красно-коричневый коллега брезгливо сморщился.

– Это ещё не доказывает, что он робот-андроид. Вдруг у него там где-нибудь спрятан какой-нибудь звуковой калькулятор? Пусть сделает что-нибудь, что не может ни человек, ни простая машина.

– Я не оставляю камня на камне от вашего скепсиса, – ответил Райз с убеждением. – Кей, несите-ка сюда снаряд.

Заглянув за дверь, я с немалым удивлением обнаружил, что на полу лежит стальная пружина величиной с откормленного поросёнка. Схватив её двумя руками, я попытался было оторвать её от пола, но не тут-то было! Такая работёнка была под силу лишь десятку хилых парней, а так как я был всего навсего один, мне пришлось волоком вытащить пружину на балкон. Пока я там надрывался, все стояли и терпеливо ждали, не испытывая ни малейшего желания мне помочь.

– Держите, – сострил я, отпустив пружину и прислонившись к холодной металлической стенке.

Не оценив юмора, Степ протянул к пружине руку и то, что было дальше, напоминало сцену из фильма для молодых спортсменов: одной рукой он поднял пружину над головой, затем рывком распрямил её, и через пару секунд она, завязанная узлом, лежала у ног Райза. При всём при этом красивое лицо юноши ни на мгновение не исказило усилие или напряжение, не дрогнул ни один мускул.

Теперь уже Мао был сражён наповал.

– Такого бы бойца да в наши бы ряды... – мечтательно пробормотал он, – дни Синдиката были бы сочтены...

Но он быстро опомнился и заплодировал. Толпа со свистом и улюлюканьем подхватила его восхищение.

– А что он ещё умеет? – сглотнув слюну, спросил Айс.

– Я не собираюсь здесь показывать фокусы, – оборвал его Райз. – Это не шоу. Но кое-что я ещё всё-таки продемонстрирую.

Толпа затаила дыхание в предвкушении кульминации – что же такое Райз припас на закуску? А припас он вот что: в мгновение ока в его руке оказалось похожее на карманный фонарик устройство. Он нажал на кнопку и на конце устройства блеснула маленькая молния – прибор оказался электрошокером, весьма старомодным, потому что последние модели мобильных гаджетов обладают их встроенным аналогом, что делает их ещё и орудием самообороны. Правда, Райзовский прибор, очевидно, бил врагов гораздо более мощным зарядом тока. Внезапно Шеф поднёс шокер к самой шее Степа. Блеснула молния, раздался громкий треск, будто бы на лесном пожаре. Казалось, парень вот-вот вскричит от боли и упадёт, но ничего подобного не последовало. Он стоял и по-прежнему смотрел перед собой, невозмутимый и бесстрашный, будто бы с ним ничего не происходило. Это продолжалось почти минуту, после чего Райз с отвращением убрал шокер в карман белого халата.

Затем, порывшись в том же кармане, он извлёк какой-то сальный предмет, похожий на вытянутый в длину кусок мыла, и маленькую коробку, в которой были деревянные палочки с чёрными наконечниками. Чиркнув палочку о ребро коробка, Шеф поднёс её, магическим образом загоревшуюся, к сальной субстанции, и та тоже стала гореть. Кажется, в старину это называлось спичками и свечой. И откуда у него только взялись эти раритеты? Приказав Степу вытянуть вперёд руку, он поднёс пламя к его ладони, и так они стояли некоторое время, пока свеча не потухла. Парень вновь не подал никакого признака не то, что боли, но даже малейшего дискомфорта. Райз приказал ему показать толпе ладонь – на ней не только не было ожога, но она даже не покраснела.

Отшвырнув огарок свечи в сторону, Райз вытащил из кармана небольшой, остро отточенный стилет, напоминающий хирургический скальпель. Молча протянув его Степу, он отвернулся. И, как оказалось, правильно сделал – Степ тут же, без всякого промедления, воткнул стилет в то место, где у людей обычно бывает сердце. Через секунду он вернул оружие вновь повернувшемуся к нему Райзу.

– Он абсолютно не чувствует боли, – прокомментировал Райз.

Эта сцена повергла всех в шок. Некоторые падали в обморок на спины впереди стоящих, но те этого никак не замечали. Айс открыл рот, и я увидел, как на его толстой губе повисла слюна. Брод с жадностью уставился в то место, куда был воткнут стилет – там отчётливо виднелась порванная ткань туники, но крови не было. Клементина расжала кулаки, которые всё это время были сжаты. Райз устало выдохнул и открыл рот, чтобы снова начать говорить, но речь всегда давалась ему тяжело, через силу, и рот автоматически захлопнулся, как у рыбы.

И тут толпа снова грянула, будто бы залп тяжёлой артиллерии. Я прислонился к холодной металлической стене лаборатории. Мои барабанные перепонки готовы были лопнуть. Мне не хотелось ничего, кроме того, чтобы все заткнулись. Я был единственный, кому всё творящееся здесь было глубоко до лампочки. Но Райз упивался чувством собственного величия, Мао

и Айс предвкушали громкие заголовки своих газет, Клементина тоже, наверно, что-то предвкушала, а Степ познавал этот новый дивный мир, с которым он впервые столкнулся. Впрочем, почему-то моё внимание было всё время приковано именно к нему. С одной стороны я понимал, что это всего лишь киборг. Рано или поздно их всё равно бы изобрели. Внутри у него провода, по которым бежит ток, ну и ещё там что-нибудь, раз у него, как говорит шеф, есть искусственное сознание.

Но для меня в этом ничего удивительного не было. Ведь мы в какой-то степени были родственные души. Пусть у меня вместо проводов нервы, по которым тоже бегают разные электрические импульсы, а природа наделила меня естественным, а не искусственным сознанием, но суть у нас с ним одна: даётся команда – ты должен выполнять.

Я смотрел на него и не мог понять, о чём он думает, если вообще думает, и что он чувствует, если вообще чувствует, глядя на эту толпу, на Айса и Брода, на своего создателя Райза, на Клементину. И вообще: может быть было бы лучше ни о чём не думать и ничего не чувствовать?

– Достаточно зрелищ, – сказал Райз, будто бы клинком по воздуху резанув. – Норт, уведите Степа.

Клементина двинулась внутрь здания, увлекая за собой киборга. Тот бросил на толпу последний взгляд и, не оборачиваясь, пошёл за ней.

– Стой! Стой! – кричали люди. – Не уходи! Дай ещё посмотреть!

Видимо, они не успели сделать снимки, и теперь паниковали. Но Клементине и Степу были безразличны их проблемы. Они их будто бы не слышали, и уходили с отрешённым видом.

– Ну, как он вам? Хорош? – От гордости Райз едва не завалился назад, и лишь своевременно дёрнув плечами, он этого избежал. – Теперь вы спросите меня, как это возможно? Как он работает, и правда у него есть всё то, что есть у нас? Вам интересно, *живой* ли он в том смысле этого слова, который мы в него вкладываем? Я отвечаю: да! Самый что ни есть живой, живее многих живых. В своё время, заменив свою парализованную нервную систему на провода, я понял, что все процессы, происходящие в нашем сознании, все наши мысли и чувства – всего лишь электрические импульсы, проходящие по проводам-нервам. Я смог создать такие провода, которые максимально похожи на человеческие нервы, а также я создал мозг, который смог вырабатывать такие импульсы, то есть мысли и чувства. Для того, чтобы создать мозг, мне потребовалось вживить роботу нервную клетку живого человека. Её предоставила моя ассистентка Клементина Норт. Вы только что видели её, и убедились, что она несколько от этого не пострадала.

– Вы гений! – крикнул кто-то в толпе, и сотни голосов подхватили: «Да здравствует гений!»

Приложив руку к сердцу, Райз сдержанно поклонился.

– Благодарю вас. Но я делал это не ради признания и славы. Это просто моя миссия...

– Слушайте, – нервно перебил его Мао, почувствовав, что про него начали забывать, – хватит пудрить народу мозги! Всё это пышные фразы и только! Ну изобрели вы этого робота – очередную игрушку для буржуев, орудие эксплуатации рабочего класса и порабощения простых тружеников. Какая нам, трудовым пчёлкам, польза с того, что трутни будут пожирать плоды прогресса? Да и вообще: прогресс, регресс – всё это туман, который напускают приспешники Синдиката, чтобы проще было грабить народ, отвлекая его от мысли о революции и торжестве анархии.

Лицо Райза брезгливо передёрнулось, но всё-таки его самообладанию можно было только удивиться. Брод тем временем вошёл во вкус:

– К тому же, товарищ Райз, когда ваших роботов станет больше, капиталисты воспользуются вашим открытием и уволят всех рабочих с заводов и фабрик. Роботы, как известно,

не могут устраивать забастовок и стачек. Они работают круглосуточно и без выходных, и им вообще платить не надо. Пролетариат тогда останется без работы.

– Вы закончили, то-ва-рищ? – спросил Райз, когда Брод остановился, чтобы перевести дух. Привычным ледяным, не терпящим возражений тоном, в котором слышалось реальное, а не напускное превосходство, он ответил:

– Вы не правы, кам-рад. Моё изобретение – реальная возможность позабыть о любой эксплуатации. Одно верно – скоро, очень скоро, биороботов будет намного больше. Они будут воспроизводить себя сами, так что их число каждый день будет расти в геометрической прогрессии. Это позволит каждому – я подчёркиваю! – каждому жителю Мегалополиса, независимо от его материального состояния, приобрести себе робота, а то и сразу нескольких. Так что пролетарии смогут отправлять вместо себя на работу своих роботов, а самим им не придётся гробить жизнь у станка. Я давно всё предусмотрел, и я не взялся бы за свою работу, если бы не был уверен в том, что она не сделает мир более справедливым.

Очевидно, что трудящимся в лице Мао Брода эта перспектива понравилась, и главный бунтарь, едва ли не в первый раз в жизни, не нашёл возражений.

– То есть вы хотите сказать, что ваша цель – это каждому человеку по роботу? – переспросил Айс.

– Нет. Моя цель – каждому человеку столько роботов, сколько он посчитает нужным. Господа, в ваших головах осталось что-то, что вам ещё не ясно?

Лицо у Айса было всё ещё озабоченное, и по нему я догадался: в его голове шевельнулась какая-то мысль, что с ним случалось не так уж и часто.

– Слушайте, доктор, – начал он. – А это по-вашему хорошо, что их будет так много? Ну один, два, ещё куда ни шло. Можно вот так прийти и поглазеть на него, людям это интересно. А если их будет много, и они будут такие умные, то они могут взбунтоваться и нас, людей, подчинить и поработить.

Не успел Айс договорить, как тело Райза будто бы молния пронзила. Он вытянул шею и резко припал к ограждению балкона, отчего казалось, что он навис над толпой, как гигантский, расправивший свои крылья кондор. Сходство с этой птицей дополняла лысая голова, клювообразный нос и хищный взгляд блестящих тёмных глаз из-под нахмуренных бровей. Не знаю, какие звуки издают кондоры, но мне казалось, что и голос его зазвучал как крик преследующего добычу кондора.

– Ничего вы не поняли! Биороботы напрочь лишены чувств, эмоций и переживаний. Они ничего не хотят, им не нужно ничего, кроме электроэнергии. У них нет ни самолюбия, ни чувства собственного достоинства, ни чего-либо в этом духе. У них есть только программа, программа и ничего кроме программы! А на что, вы думаете, нацелены все их алгоритмы? На служение человеку, конечно же! Служение безоговорочное, безропотное исполнение любого каприза владельца, невзирая на личные интересы. У них просто не может быть личных интересов! Разве не таких роботах вы видели в своих радужных снах?

Толпа одобрительно загудела. Тогда Райз неторопливо выпрямился, окинув их немигающим взором, скрестил руки и поставил ногу на парапет, чем напомнил Наполеона под Аустерлицем.

– Если кто-то ещё не понял, мои роботы несут человечеству абсолютную свободу, – продолжил он самоуверенным тоном спокойного превосходства. – Роботы избавят человечество от тяжких повинностей, от которых в былое время мы никуда не могли деться. Во-первых, они снимут с вас бремя труда. Если в прежние времена существовало рабство – не важно, в чистом виде или же в виде якобы свободного найма, то отныне никто не сможет принудить других делать то, что они не хотят. Напротив, каждый будет делать только то, что он хочет. И его биоробот будет делать для него только то, что он хочет. Робот станет для вас идеальным другом, идеальным собеседником, идеальным партнёром, исполнит все ваши мечты, то есть будет

тем, кем никогда не сможет стать для вас человек. А главное, он живой, и с ним вы никогда не почувствуете себя одиноким.

– То есть, роботы и статьи писать смогут? – не унимался Айс.

– Да, и статьи. Что вы хотите, то он для вас и сделает.

– Тогда я лишусь работы.

– Да, но оно того стоит. Представьте, что у вас тоже будет робот, который будет сочинять лично для вас свежие сплетни, и никто не подаст на вас в суд за клевету.

– Это аргумент, – почесав затылок, согласился Айс. – Да, вы, кажется, и в самом деле гений.

– Да здравствует гений! – грянула толпа. – Гип—гип, ура!

– Слава доктору!

– Ура спасителю человечества!

– Да здравствует гений!

Громче всех горланили, конечно же, Айс и Мао.

– Слава победителю эксплуатации! – драл глотку Брод. – Доктор, будьте вождём мирового пролетариата!

– Гуманизм восторжествовал, – вторил Айс. – Да здравствует абсолютная свобода!

– Роботов – рабочим, киборгов – крестьянам!

А новоявленный спаситель человечества и вождь мирового пролетариата стоял, уставившись в одну точку где-то над их головами, едва заметно раскачивался взад-вперёд, а затем, не отрывая глаз от этой излюбленной точки, спокойно сказал:

– А теперь позвольте откланяться. Очистите территорию и не мешайте нам работать.

И после этого он развернулся и ушёл. Вот так вот взял и ушёл.

Айс и Мао вылупились на то место, где он стоял ещё пару секунд назад, будто бы надеясь, что он снова появится и они смогут ещё немножко на него поглазеть. Потом они посмотрели на меня полными надеждой, преданными глазами. Я пожал плечами.

– Ну, ничего не поделаешь. Приходите завтра.

Сказав это, я последовал за шефом.

– Здорово! – сказал я, не удержавшись.

Райз резко обернулся, но, впрочем, не остановился.

– Что здорово?

– Я имею в виду, как вы их мастерски заболтали.

– Заболтал? Гм... – Он задумался. – Ничего особенного. Разве могло быть иначе?

Да уж, шеф не тот человек, которому можно польстить. Впрочем, в этот раз я был вполне искренен.

С балкончика мы попали в кают-компанию, где нас ждали Клементина и Степ. Я заметил, что он уже сменил порванную одежду на новую, точно такую же. При появлении шефа робот оживился, если так можно сказать о роботе, и приветливо повернул своё лицо к нему, заглядывая в его ничего не выражающие глаза. После такого оглушительного триумфа Шеф тоже был на редкость благодушно настроен. Я привык, что здесь никто никогда не улыбается, но сейчас мне показалось, что все улыбнулись бы, если бы смогли.

– Ну что скажешь, Степ? Как тебе понравились люди? – спросил Райз голосом, чуть менее ледяным, чем обычно, в чём, видимо, выразилось нечто вроде отеческого отношения к своему творению.

– Не могу сказать, доктор. Просто возникло столько новых вопросов, которые пока не вписались в знакомые алгоритмы, – ответил Степ.

– Ничего страшного. Спрашивай, – разрешил шеф.

– Доктор, разве все эти люди так несчастливы?

Этот вопрос прозвучал до того неожиданно, что лицо шефа, дёрнувшееся в судороге, превратилось в подобие потрескавшейся фрески на стене древнего храма, с которой вместе со штукатуркой обваливается и нарисованное на нём благодущие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.